

ДМИТРИЙ ХУТКИЙ,

аспирант, старший преподаватель кафедры социологии Национального университета “Киево-Могилянская академия”

ВАЛЕРИЙ ХМЕЛЬКО,

профессор, заведующий кафедрой социологии Национального университета “Киево-Могилянская академия”, президент Киевского международного института социологии

Макросоциологический подход к выделению основных подсистем современной мировой системы обществ

Abstract

Lack of a sufficiently complete knowledge about the composition of the modern world system of societies — especially about its subsystems — is one of the key problems of modeling of the modern world system of societies. Different criteria of discrimination of the main subsystems of the modern world system of societies from the macrosociological approach are analyzed in the issue. It is suggested to combine the two approaches to the division of the modern world system of societies into subsystems: (1) by the criterion of self-guidance and (2) by the criterion of specificity of functions of self-reproduction of the system.

The systemic-functional substance of the processes of regulation and self-regulation of society as totality are considered. The phenomenon of self-guidance and the definition of the concept of society as self-guided social system are enucleated. It is demonstrated that as the result of decomposition of the modern world system of societies by the criterion of self-guidance certain associations of societies are discriminated as its first-order subsystems and individual societies are discriminated as its elements. And by decomposition of the modern world system of societies by the function criterion of the system self-reproduction we discriminate seven first-order functional subsystems, each consisting of specific second-order functional subsystems, each of which is divided into specific functional elements.

It is also demonstrated, that the components of the modern world system of societies, discriminated by the criterion of self-guidance and by the function criterion of the system self-reproduction, are related in the following manner: any functional element of the modern world system of societies is a component of a certain society.

Существует целый ряд социальных проблем, которые обусловлены отношениями между обществами (например, военные конфликты, уменьшение количества рабочих мест в одном обществе из-за перевода производства в другое общество) либо возникают в виде кумулятивного эффекта деятельности нескольких обществ (например, парниковый эффект как побочное следствие деятельности промышленности индустриальных обществ) и не могут быть решены в пределах отдельных обществ. Преодолению подобных надобщественных социальных проблем, которые часто называют глобальными, должно способствовать выяснение связей между социальными системами и социальными процессами разных обществ.

Для изучения таких связей иногда требуется знание общей структуры отношений между обществами, что приводит к определению более общей цели — исследовать совокупность современных обществ как целостность. Исследования современного мира обществоведами убедительно свидетельствуют о том, что совокупность современных обществ образует систему [см.: 1; 2]. Существует множество подходов к раскрытию сущности этой системы и к ее определению. Мы рассматриваем эту систему с позиций макросоциологического подхода и, соответственно, определяем ее как *мировую систему обществ*.

Для осуществления статического, а еще в большей мере динамического моделирования современной мировой системы обществ наиболее общую проблему составляет отсутствие достаточно целостного научного знания *компонентного состава и структуры* этой системы.

В данное время эта проблема далека от решения, что обусловлено исключительно высокой сложностью самого объекта исследования — современной мировой системы обществ, включающей все общества и все отношения между ними. Впрочем, есть и существенные достижения на пути решения этой проблемы, являющиеся результатами исследований, проведенных с позиций макросоциологического подхода и мир-системного анализа.

В *макросоциологии*, в частности в эколого-экономическо-эволюционной теории М.Э.Ольсена и в экологически-эволюционной теории Г.Ленски, в качестве элементов мировой системы¹ и мировой системы обществ² соответственно рассматривают отдельные общества, а в качестве ее структуры — совокупность всех отношений между обществами [2, с. 51, 70–74; 4, с. 90]. Для макросоциологического подхода характерно большее внимание к соотношению явлений в разных обществах и значительно меньшее — к отношениям между обществами, вследствие чего значительно лучше изучены отдельные общества (преимущественно те, где институционально хорошо развиты социальные науки), чем отношения между обществами и структура этих отношений.

1 При рассмотрении мировой системы М.Э.Ольсен использует наработки мир-системного анализа И.Валлерстайна, однако, в отличие от последнего, анализирует экономические и политические взаимозависимости *между обществами*, что дает основания рассматривать подход М.Э.Ольсена как макросоциологический.

2 В своей более поздней работе (2005 года) Г.Ленски использует термин “глобальная система обществ” [3, с. 111], но в том же самом значении, в котором в более распространенных его публикациях применяется термин “мировая система обществ” [2, с. 51; 12, с. 43].

Согласно *мир-системному подходу*, главной единицей анализа является мир-система, и в современном мире существует лишь одна мир-система — капиталистическая мир-экономика [5, с. 74–75]. При исследовании современной мир-системы ее элементами выступают экономические системы стран, подсистемами — ядро, полупериферия и периферия, а структурой — в основном экономические (в меньшей степени — политические и культурные) отношения в мир-экономике [1, с. 10–11]. Мир-системный анализ дает весьма оригинальное, но вместе с тем реалистичное представление о структуре мировой экономики. Однако исходная методологическая позиция, согласно которой мир-система и основные отношения в ней определяются в экономических терминах, по нашему мнению, объективно ограничивает возможности основательного исследования внеэкономических отношений в мир-системе.

По нашему мнению, в рамках макросоциологического подхода и мир-системного анализа целостная модель структуры современной мировой системы обществ еще не разработана. На пути к этому крайне важно выявить компонентный состав современной мировой системы обществ — определить ее основные элементы и подсистемы. В данной статье наша цель состоит в том, чтобы на основе разрозненных результатов исследований определить *основные подсистемы современной мировой системы обществ* с позиций макросоциологического подхода.

Поскольку мировая система обществ является системой, она характеризуется целостностью, что означает, что этой системе присущи свойства, которые не сводятся к свойствам ее составляющих и не выводятся из свойств ее составляющих. Чтобы в процессе анализа мировой системы обществ было возможно учитывать ее эмерджентные свойства, мы считаем целесообразным осуществить *декомпозицию* мировой системы обществ на подсистемы.

Очевидно, что в результате применения разных критериев деления мировой системы обществ на подсистемы можно получить, соответственно, разные перечни подсистем; иными словами, то, какие подсистемы будут выделены, зависит от исследовательского подхода. Исходя из позиций философского плюрализма, мы считаем правомерным учитывать и сочетать разные (но в то же время научно правомерные) подходы к выделению подсистем мировой системы обществ, если они не противоречивы и дополняют друг друга. Если в одном аспекте (например, мирового разделения труда) можно выделить одни подсистемы, то в другом (например, структуры массовых коммуникаций) — совсем другие, и нет оснований считать одно из делений правильным, а другое — неправильным.

В рамках нашего исследования практически невозможно учесть все подходы к выделению подсистем мировой системы обществ, существующие в обществоведческой литературе, и, соответственно, все имеющиеся перечни таких подсистем. Поэтому мы выбрали несколько подходов, которые, с нашей точки зрения, дают довольно целостное представление о подсистемах мировой системы обществ и открывают перспективы их моделирования в первом приближении, то есть ограничиваемся определением *основных* подсистем мировой системы обществ.

Для адекватного моделирования мировой системы обществ, по нашему мнению, важно осуществить такое деление ее на подсистемы и элементы, при котором, во-первых, между выделенными подсистемами не было бы пересечений — подмножеств общих элементов и отношений между ними, и,

во-вторых, множество всех выделенных элементов и подсистем было бы полным, то есть включало все компоненты мировой системы обществ.

Одним из критериев, обеспечивающих такое деление, является различение социальных систем по характеру процессов их регуляции и саморегуляции. Мы исходим из положения о том, что на любом этапе развития общество является определенным социальным организмом — достаточно сложным саморегулятивным образованием. А выявление специфики социетальной саморегуляции, в частности соотношения и взаимосвязи процессов стихийной саморегуляции, регулирования и управления, невозможно без уяснения общего системно-функционального содержания саморегуляции общества как определенной целостности.

Определение этого содержания требует предварительного анализа социальной регуляции по крайней мере в двух аспектах: во-первых, в отношении ко всей совокупности общественных процессов в целом (как происходящих при взаимодействии между разными подсистемами общества, так и в его взаимодействиях с окружающей средой); во-вторых, в ее соотношении с теми, более частичными социальными процессами, которые выступают составляющими социетального регулятивного процесса в целом. Такой анализ, как это видно из самой постановки проблемы, может быть продуктивным лишь в том случае, если общество рассматривать как систему *процессов*.

Задача эта сложная, поскольку процессы, происходящие в обществе, чрезвычайно разнородны. Их теоретическое деление по составу выделенных компонентов (видов процессов) дает разные аналитические “проекции” одного и того же общества. Причем при традиционном делении общественных процессов на экономические, социальные, политические и духовные (или на экономические, социально-политические, духовные) *регулятивные* общественные процессы не выделяются — ведь они органично присущи каждому из общественных процессов указанных родов. Следовательно, выделение особого класса *регулятивных* процессов требует иных аналитических оснований. Но поскольку эти процессы свойственны не только социальным системам, то, очевидно, наиболее общей базой такого рода классификации может быть лишь то, что позволяет теоретически разделить любые процессы на регулятивные и нерегулятивные.

Необходимым и достаточным основанием для теоретического разделения содержаний регулятивных и нерегулятивных процессов является, по существу, выявление качественной определенности регулятивных процессов, их специфических отличий. Решение этой задачи требует взять в качестве исходной, наиболее общей категории понятие *процесса* (фиксирующее любые изменения, происходящие с любым объектом) и адекватно определиться с выбором следующего шага — от исходной абстракции “процессов вообще” к разделению их на процессы определенных видов, что требует также выбора соответствующего качественного критерия такого деления. Опыт теоретического анализа предлагает множество вариантов разделения по более или менее определенным критериям (например, на процессы материальные и идеальные, природные и общественные, процессы функционирования и развития и т.п.). Однако в данном случае необходимо найти такое общее различие между процессами, которое, определяя качественную границу между их родами, одновременно не разграничивало бы между собой

виды регулятивных процессов, не разводило бы их по разные стороны этой качественной границы.

Одной из наиболее общих (неспецифических) особенностей любого регулятивного процесса является то, что это всегда *процесс изменения некоего процесса (или процессов)*. Даже в тех случаях, когда регуляция сводится к обеспечению стабильности какого-либо параметра, такое — гомеостатическое — регулирование реально осуществляется путем *уменьшения* возникающих отклонений, то есть путем *изменения* возникших *изменений*. Тем более это справедливо для более сложных форм регуляции, когда обеспечивается направленное изменение тех или иных процессов, что предполагает не только их изменение, но и изменение этих изменений и т.д.

Заметим, что множество всех возможных процессов неоднородно, кроме того, также и в том смысле, что часть из них представляют собой именно *процессы изменения процессов*, а не тех или иных предметов — вещей, их свойств или отношений. В этом аспекте все процессы могут быть разделены на два больших рода: (1) *изменения предметов* — процессы первого порядка, которые условно можно назвать “первичными” (для данного уровня анализа), и (2) *изменения процессов* — процессы второго и более высоких порядков, которые можно назвать “вторичными” (поскольку они осуществляются над первичными процессами)¹.

Следующий шаг в исследовании явлений регуляции требует анализа изменений, происходящих с самими процессами. В этом аспекте необходимо принять во внимание то, что хотя любая регуляция — это изменение любого процесса (или его изменений), но, очевидно, не любые изменения процессов представляют собой их регуляцию. Если изменения любого процесса (или процессов) осуществляются хаотично, так, что в любой данный момент самые разнообразные из них являются практически равновероятными, независимыми от предыдущих, то такие изменения процессов явно не относятся к явлениям регуляции. Очевидно, о существовании регуляции есть основание говорить только тогда, когда изменения любых параметров рассматриваемого процесса тем или иным образом *упорядочиваются* (во времени или в пространстве).

Подчеркнем, что речь идет не только о таких изменениях процесса, при которых его упорядоченность со временем не снижается, то есть сохраняется постоянной или повышается. В этом случае наличие регуляции очевидно. Но даже в тех случаях, когда упорядоченность рассматриваемых процессов со временем снижается (например, в живом организме, который стареет, или в обществе, переходящем в кризисное состояние), наличие тенденций, замедляющих темп возрастания неупорядоченности соответствующих процессов, тоже свидетельствует о наличии их регуляции.

Под этим углом зрения вторичные процессы (процессы изменения процессов) можно разделить на процессы *упорядочения* процессов (то есть те,

---

¹ Понятно, что такое разделение процессов правомерно только в случае анализа явлений одного уровня реальности и однозначно определенных на данном уровне исследования либо как предметы, либо как процессы. Как только исследование переходит на более глубокий уровень анализа, где рассматривавшиеся ранее предметы предстают в качестве систем процессов, предыдущий порядок всех процессов повышается на единицу (если сами предметы рассматривать как процессы нулевого порядка).

которые, по крайней мере, замедляют темпы роста неустроенности) и процессы *неупорядоченного изменения* процессов, которое снижают упорядоченность (процессы разупорядочения) или нейтральные в этом смысле.

Разделив вторичные процессы на два больших класса, уместно задать вопрос: существуют ли процессы упорядочения других процессов, которые в силу чего-либо, на каком-либо основании нельзя было бы считать регулятивными? Если такое основание будет найдено, то оно станет критерием для следующего разделения этого класса вторичных процессов, внесет уточнение в дальнейшее выяснение специфики регуляции. До сих пор такого основания не найдено. Анализ имеющихся в научной литературе описаний разных форм регуляции (и ее простейшей формы — регулирования, и более сложной формы — управления, и наиболее сложной формы регуляции, присущей социальным процессам, — руководства) приводит к выводу о том, что, за исключением упорядочения, все остальные признаки, выделяемые разными авторами, свойственны лишь отдельным формам регуляции (чаще всего — управлению). Поэтому в качестве общего определения понятия “регуляция” (регулятивный процесс) мы принимаем следующее: *регуляция — это процесс упорядочения какого-либо процесса или процессов*¹.

Соответственно, саморегуляцию мы определяем как процесс упорядочения определенного множества процессов, который осуществляется через их взаимодействие между собой. Выделение саморегулятивных социальных систем позволяет анализировать такие социальные системы, каждая из которых формируется в результате конкретных качественно специфических процессов — процессов саморегуляции. Еще важнее выделить такие социальные системы, которые не только являются саморегулятивными, но и исключают независимые от них внешние *регулятивные* влияния. Мы определяем эти системы как такие, которым свойственно *самоуправление* — любая форма саморегуляции человеческой общности, исключая независимые от нее *регулятивные* влияния на эту общность извне. Отсутствие внешних *регулятивных* влияний на человеческую общность здесь понимается как отсутствие таких внешних влияний, которые бы осуществляли регуляцию человеческой общности в целом, то есть регуляцию, в той или иной мере касающуюся каждого члена соответствующей общности.

Поскольку в каждой социальной системе происходят процессы регуляции, то: во-первых, каждая социальная система либо осуществляет самоуправление и является самоуправляемой социальной системой, либо является, наряду с этим, объектом также и независимых от нее внешних регулятивных влияний — и тогда является частью другой самоуправляемой социальной системы, и, во-вторых, множество всех самоуправляемых социальных систем является полным, то есть включает все компоненты мировой системы обществ. Использование критерия *самоуправляемости* удовлетворяет всем трем вышеприведенным условиям, поэтому базовое деление мировой

¹ Под упорядочением процессов имеется в виду увеличение неравенства вероятностей возможных изменений их параметров, то есть такой вторичный процесс, который, если воспользоваться понятием энтропии, чаще всего характеризуется как антиэнтропийный, или как процесс уменьшения энтропии. Подробнее этот подход к анализу процессов регуляции и саморегуляции изложен в одной из работ В.Хмелько [6, с. 60–121].

системы обществ на компоненты мы осуществляем именно по этому критерию.

В современном мире наиболее очевидными субъектами регуляции являются государства. Причем особенность государственной регуляции заключается в том, что эта регуляция — как в форме законов, распоряжений, приказов, так и в разных формах принуждения — в той или иной мере касается всех людей в соответствующем обществе и всех их средств к жизни. Поскольку государство мы рассматриваем как подсистему общества — как основную часть политической системы общества — регуляция общества государством фактически является формой саморегуляции общества. В политической социологии продолжается дискуссия о степени суверенитета современных государств. Не имея возможности проанализировать здесь эту дискуссию детально, приведем некоторые аргументы, которые, по нашему мнению, достаточно весомы для признания реальности суверенитета современных государств. Как замечают французские социологи Д.Мартен, Ж.-Л.Мецжер и Ф.Пьер, имеют место регулярные попытки выработать международные права на вмешательство во внутренние дела государств с целью “привлечения к суду военных преступников или ограничения вредных выбросов в окружающую среду”, но они оказываются напрасными хотя бы потому, что самые богатые (например, США) или самые большие по населению (например, Индия или Китай) государства не ратифицируют соответствующие соглашения [7, с. 15]. Принимая во внимание эти аргументы, мы признаем достаточно обоснованной позицию Г.Ленски относительно политической автономности человеческих обществ, что означает отсутствие политической власти или управления со стороны какой-либо большей социальной группы [2, с. 9]. А из этого утверждения следует, что общества (благодаря наличию в их политической подсистеме государств) являются такими социальными системами, которые исключают независимые от них регулятивные влияния со стороны внешней социальной среды и, следовательно, являются самоуправляемыми. Учитывая это свойство общества, а также его элементный состав, мы определяем *общество* как самоуправляемую социальную систему людей, средств к жизни людей и всей совокупности отношений между ними, которые мы в дальнейшем будем называть общественными отношениями.

Однако у нас есть основания предполагать, что общества не являются самыми большими самоуправляемыми социальными системами в составе мировой системы обществ. Даже беглый анализ отношений между обществами в мировой системе обществ подводит к выводу, что общества не существуют отдельно друг от друга, наоборот, они постоянно взаимодействуют между собой. Как отмечает Г.Ленски, даже в далеком прошлом общества взаимодействовали между собой, если и не непосредственно, то, во всяком случае, опосредованно — через опосредующие взаимодействия других обществ [2, с. 51]. Это особенно закономерно для современности — многочисленные взаимодействия между обществами охватывают практически все сферы социальной жизни и даже становятся все более интенсивными. Согласно выводу Г.Ленски, вследствие этих взаимодействий между обществами образуется сеть социальных связей [2, с. 51]. Поскольку между обществами объективно существуют как *связи*, так и *противопоставления* (например, дипломатическая борьба между государствами), как *процессы взаимо-*

*действий*¹, так и *формы соотношений* (например, соотношение объемов ВВП на душу населения), более уместно говорить об *отношениях* между обществами. Для удобства мы будем называть эти отношения *межобщественными отношениями*.

С аналитической точки зрения, межобщественные отношения могут быть либо неупорядоченными, либо в той или иной степени упорядоченными. Если мы обнаружим общества, упорядоченные отношения между которыми образуют целостность, такие образования можно определить как системы более высокого, чем общество, системного уровня. Для этого необходимо выяснить, имеют ли такие образования свойства, которые не сводятся к свойствам их составляющих и не выводятся из свойств их составляющих. Строго говоря, такими эмерджентными свойствами являются сами упорядоченные межобщественные отношения, поскольку они не сводятся к свойствам и не выводятся из свойств обществ — благодаря упорядоченным межобщественным отношениям соответствующие общества и упорядоченные отношения между ними фактически существуют как единое целое. Например, если представители двух государств подписывают международный договор, который устанавливает одинаковые правила деятельности для граждан обоих государств, то граждане ни одного из государств не могут в одностороннем порядке изменить определенные правила деятельности (в таком случае можно было бы констатировать фактическое невыполнение договора и, как следствие, расторжение соответствующих межобщественных отношений) — граждане обоих государств вместе с их отношениями, согласно такому договору, образуют одно целое.

Таким образом, можно сказать, что существуют совокупности обществ, которые благодаря упорядоченным межобщественным отношениям между ними образуют определенную целостность, и в этом смысле эти совокупности можно рассматривать как системные образования. Чтобы отличить их от системы обществ в масштабе мира в целом, эти системные образования мы будем называть *ассоциациями обществ*. Но существование ассоциаций взаимодействующих обществ не нивелирует системных качеств самих обществ. Элементами такой социальной системы, как ассоциация обществ, являются общества, входящие в ее состав, а структурой — упорядоченные отношения между ними. Отношения между обществами в ассоциации обществ регулируются только путем взаимодействия их составляющих между собой (все общества, участвующие в регуляции отношений между собою, мы рассматриваем как составные части соответствующей ассоциации обществ). Очевидно, что определенные таким образом ассоциации обществ являются саморегулятивными.

Кроме того, если совокупность обществ, образующих систему обществ, не подвергается независимым от нее внешним регулятивным влияниям, она является самоуправляемой. Например, в силу того, что регуляция каждого общества со стороны других обществ происходит при согласии представителей обществ, подвергающихся этой регуляции (при наличии независимых от общества регулятивных влияний на него оно перестает быть самоуправляе-

---

¹ Учитывая то, что эти взаимодействия происходят между социальными системами, их уместно обозначать как *отношения*.

мым, а значит, и отдельным обществом по нашему определению). И поскольку общества в составе ассоциаций обществ являются самоуправляемыми, вследствие этого и ассоциации обществ являются самоуправляемыми. Итак, согласно нашему подходу *ассоциация обществ* — это самоуправляемая социальная система, состоящая из обществ и отношений между ними. Например, общества, которые образуют Европейский Союз, не лишены собственной самоуправляемости, но благодаря ряду международных соглашений и договоров эти общества: подлежат действию права, которое распространяется на граждан всех стран-членов ЕС; осуществляют общую саморегуляцию в сфере торговой и финансовой политики; проводят дипломатическую деятельность от имени ЕС. Эти факты дают основания рассматривать ЕС как “юридическую и политическую систему” [8, с. 16– 17], которую, согласно нашему подходу, можно определить как ассоциацию обществ.

Из сказанного ясно, что на первом шаге декомпозиции мировой системы обществ по критерию самоуправляемости, когда решается проблема выделения ее крупнейших самоуправляемых составляющих, таковыми оказываются *ассоциации обществ*. Поэтому их логично рассматривать как *подсистемы* мировой системы обществ в регулятивном аспекте (как самоуправляемые подсистемы мировой системы обществ).

Безусловно, не все общества принадлежат к тем или иным ассоциациям обществ, поэтому к множеству всех ассоциаций обществ относятся не все общества мира. В результате этого имеют место взаимодействия между отдельными обществами и ассоциациями обществ. Однако ассоциации обществ включают общества, являющиеся самоуправляемыми системами и осуществляющие отношения как между собой, так и с неассоциированными обществами. Поэтому мы считаем, что рассматривать общества как образования одного системного уровня с ассоциациями обществ аналитически некорректно. Общества можно было бы определить как подсистемы мировой системы обществ второго порядка (имея в виду следующий уровень декомпозиции). Однако, поскольку ни одна из подсистем общества не является самоуправляемой, общества — это наименьшие самоуправляемые образования в составе мировой системы обществ, и потому их адекватнее *квалифицировать* как элементы мировой системы обществ в регулятивном аспекте (как самоуправляемые элементы мировой системы обществ).

Но, как отмечалось выше, по другим критериям и, соответственно, в других аспектах, возможно выделение других подсистем мировой системы обществ. Учитывая то, что нашей задачей является выделение не всех, а только основных подсистем мировой системы обществ, мы рассматриваем лишь такие подходы к выделению этих подсистем, которые позволяют отразить качественно специфические черты существования мировой системы обществ.

Таким делением целого на подсистемы в макросоциологии, реализованным в рамках аналитической декомпозиции отдельного общества, является деление общества на социальные институции. Учитывая то, что вообще исследователи выделяют довольно много специализированных социальных институций, для осуществления макросоциологического анализа обществ и мировой системы обществ мы считаем целесообразным использовать подход, примененный Г.Ленски: выделение систем взаимосвязанных социальных институций — институциональных систем [2, с. 49]. Мы определяем институциональную систему как подсистему общества, осуществляющую на-

бор взаимосвязанных специфических функций обеспечения существования общества. Принимая во внимание значительную теоретическую разработанность деления общества на институциональные системы и наличие множества соответствующих эмпирических данных, мы считаем целесообразным применить аналогичное выделение аспектов — и соответствующее деление на подсистемы — к мировой системе обществ. Исходя из такой позиции, в мировой системе обществ мы определяем ряд аспектов ее функционирования и набор соответствующих *функциональных подсистем* — таких подсистем, которые обеспечивают определенный аспект функционирования мировой системы обществ.

При декомпозиции мировой системы обществ на функциональные подсистемы мы исходим из того, что для обеспечения ее функционирования как системы необходимым и достаточным условием является воспроизводство ее элементов, структуры, целостности и специфических системных свойств. Элементами мировой системы обществ (в аспекте самоуправления) являются общества, а ее структурой — совокупность отношений между обществами. К основным специфическим системным свойствам мировой системы обществ мы относим ее *самовоспроизводство, способность к адаптирующей адаптации и самоуправляемость*. *Самовоспроизводство* свойственно мировой системе обществ, поскольку она является живой системой. *Способность к адаптирующей адаптации* ей присуща, поскольку она принадлежит к системам социальным, адаптирующимся к внешней среде не только через адаптацию к ней их элементов, но и через адаптацию элементов среды к своим потребностям. И наконец, эта система является *самоуправляемой*, поскольку ее саморегуляция осуществляется путем взаимодействия между ее элементами и она не подвергается внешним регулятивным влияниям. Учитывая то, что самовоспроизводство целостности и специфических системных свойств мировой системы обществ осуществляется в основном путем воспроизводства ее элементов и структуры, процессы отдельного воспроизводства целостности и специфических системных свойств мировой системы обществ — как аналитически соизмеримые с другими функциональными подсистемами — дальше не выделяются.

Поскольку современная мировая система обществ включает все существующие на Земле общества и не нашла обществ на других планетах, она не имеет социальной внешней среды, а только биофизическую. Поэтому на данном этапе анализа в качестве критерия выделения функциональных подсистем мировой системы обществ мы используем критерии воспроизводства ее основных элементов, структуры и отношений с биофизической внешней средой. С применением этих критериев *на первом этапе декомпозиции* мы выделяем три функциональных подсистемы мировой системы обществ: (1) воспроизводство самих обществ, (2) воспроизводство отношений между обществами и (3) воспроизводство отношений между отдельными обществами и биофизической средой. Понятно, что все три процесса могут обеспечивать достаточно продолжительную жизнеспособность каждого общества лишь в случае обеспечения его адаптированности к внешней среде. Но пока обеспечение адаптированности мировой системы обществ к биофизической среде осуществляется преимущественно как сугубо побочный результат явной и неявной борьбы отдельных обществ и их ассоциаций за более благоприятные условия собственного постоянного развития.

Хотя в современном мире воспроизводство обществ происходит не автономно, а непременно и во взаимодействии с другими обществами (например, многие общества при обеспечении своего населения продуктами питания осуществляют обмены с другими обществами, и внезапное прекращение такого обмена может существенно повлиять на процессы самовоспроизводства этих обществ). Кроме того, отношения между обществами состоят из множества отношений между внутриобщественными социальными системами, и эти отношения имеют довольно сложную структуру. Для отражения этого аспекта функционирования мировой системы обществ необходимо осуществить второй этап ее декомпозиции в функциональном аспекте — выделить составляющие ее институциональных систем. С этой целью мы используем критерий качественной разнородности элементов обществ. Принимая концепцию, согласно которой элементами общества являются люди и их средства к жизни¹, а структурой общества — все отношения между людьми и их средствами к жизни [см. 9, с.125–173], мы согласно этой концепции рассматриваем воспроизводство людей как двойной процесс — воспроизводства людей как живых существ (организмов) и как социальных существ (субъектов деятельности), а воспроизводство средств к жизни людей — как тройной процесс: воспроизводство (1) предметов ассимиляции (преимущественно — *пищевых* средств к жизни), (2) предметов адьюнкции (*вещных* средств к жизни) и (3) предметов рефлексии (*информационных* средств к жизни). Используя указанный выше критерий выделения функциональных подсистем мировой системы обществ *на втором этапе ее декомпозиции*, получаем следующий перечень ее функциональных подсистем: (1) воспроизводство людей как живых существ, (2) воспроизводство людей как социальных существ, (3) воспроизводство пищевых средств к жизни; (4) воспроизводство вещественных средств к жизни; (5) воспроизводство информационных средств к жизни; (6) воспроизводство общественных отношений; (7) воспроизводство отношений между обществами и их биофизической средой.

Каждая из выделенных функциональных подсистем мировой системы обществ по сути является специфическим аспектом ее функционирования. Учитывая то, что одни и те же люди с использованием их средств к жизни могут осуществлять и осуществляют воспроизводство мировой системы обществ в нескольких функциональных измерениях, функциональные подсистемы не являются некими отдельными совокупностями людей, их средств к жизни и отношений между ними, но качественно специфическими аспектами, которые включают людей, их средства к жизни и отношения между ними в очерченных выше аспектах их существования. Причем принадлежность к функциональной подсистеме мы определяем по целевой направленности деятельности (если деятельность по достижению соответствующей цели еще не завершена) или по конечному результату деятельности (если соответствующая деятельность уже завершена) — в зависимости от того, какие именно компоненты мировой системы обществ воспроизводятся в процессе деятельности.

---

¹ Здесь имеются в виду все средства, которые создают и используют люди для воспроизводства себя и условий своей индивидуальной и совместной жизни.

Поскольку функциональные подсистемы мировой системы обществ можно рассматривать как определенные аспекты ее функционирования, в каждом из них можно выделить специфические именно для него подсистемы второго порядка. Учитывая то, что такие подсистемы являются специфическими для каждого функционального аспекта, их рассмотрение требует специализированных исследований. Поэтому мы их учитываем лишь на концептуальном уровне — как качественно специфические подсистемы функциональных подсистем мировой системы обществ.

Как мы отмечали выше, в макросоциологии элементами мировой системы обществ являются целые общества. Однако, согласно выводам некоторых исследователей межобщественных и глобальных отношений, сторонами общественных отношений в современном мире выступают “глобальные города”, общественные движения, неправительственные организации, правительства, элиты [7, с. 100; 10, с. 104; 11, с. 64–67]. Причем с позиций макросоциологического подхода, каждая из этих сторон либо является частью определенного общества, либо состоит из компонентов, каждый из которых является частью определенного общества. Принимая во внимание то, что общества как элементы мировой системы обществ не дают оснований рассматривать составляющие обществ в качестве сторон межобщественных или глобальных отношений в функциональных аспектах, мы квалифицируем общества как слишком большие единицы для подобного анализа. Экономические системы стран как элементы мир-экономики, согласно мир-системному подходу, — это части обществ, а значит, меньшие единицы анализа. С другой стороны, экономическая подсистема общества отражает только один (хоть и довольно важный) аспект его функционирования — экономический. Но в мировой системе обществ складываются отношения и в других аспектах — политическом, коммуникационном, образовательном и т.п. Чтобы учесть хотя бы не все, а основные аспекты отношений в мировой системе обществ, мы считаем, что в качестве элементов мировой системы обществ следует рассматривать не только экономические, но и иные подсистемы обществ. Исходя из масштабов отношений в мировой системе обществ и принимая во внимание задачу учесть основные аспекты этих отношений, в качестве *элементов* мировой системы обществ в *функциональных аспектах*, по нашему мнению, целесообразно рассматривать подсистемы обществ, выделяемые их декомпозицией первого порядка, которые мы в дальнейшем будем называть *первопорядковыми подсистемами обществ*.

Поскольку в функциональном смысле элементы мировой системы обществ — это первопорядковые подсистемы обществ, то они, согласно их структурному статусу, фактически являются частями обществ и в этом значении — внутриобщественными социальными системами. Данный подход позволяет любой элемент мировой системы обществ в функциональном измерении отнести к составу определенного общества. Это соотношение может иметь два качественно разных варианта деления. В первом варианте, когда некая социальная система состоит из внутриобщественных систем, принадлежащих только к одному обществу, тогда она является либо подсистемой этого общества (если ей не свойственна самоуправляемость), либо отдельным обществом (если ей присуща самоуправляемость). Во втором варианте, когда некая социальная система состоит из внутриобщественных систем, принадлежащих к более чем одному обществу, тогда она не принадлежит ни

к одному обществу, но ее составляющие — внутриобщественные системы — принадлежат. Приходим к выводу, что все функционально выделенные элементы мировой системы обществ являются внутриобщественными социальными системами и входят в состав обществ. Это также означает, что множество всех обществ включает множество всех функционально выделенных элементов мировой системы обществ.

Итак, при макросоциологическом подходе к декомпозиции мировой системы обществ ее первопорядковыми подсистемами, с одной стороны, по критерию самоуправляемости, оказывается *a priori* неопределенное множество ассоциаций обществ как самоуправляемых подсистем, а с другой стороны, по критерию специфики функций самовоспроизводства системы, — семь функциональных подсистем. Компоненты мировой системы обществ, которые выделяются по критериям самоуправляемости и функциональной направленности, соотносятся таким образом, что любой элемент мировой системы обществ в функциональном аспекте можно отнести к составу определенного общества.

Литература

1. Хуткий Д.О. Світ-система та світова система суспільств: порівняння теоретичних моделей // Наукові записки НаУКМА. — 2007. — Т. 70 (Соціологічні науки). — С. 8–12.
2. Lenski G., Nolan P., Lenski J. Human Societies. An Introduction to Macrosociology. 7th ed. — N.Y., 1995.
3. Lenski G. Ecological-Evolutionary Theory: Principles and Applications. — Boulder, 2005.
4. Olsen M.E. Societal Dynamics. Exploring Macrosociology. — New Jersey, 1991.
5. Wallerstein I. The Essential Wallerstein. — N.Y., 2000.
6. Хмелько В.Е. Регулирование, управление, руководство в саморегулятивных системах // Коммунистическая партия и научное управление. — К., 1984.
7. Мартен Д., Мецжер Ж.-Л., П'єр Ф. Метаморфози світу: соціологія глобалізації / Пер. з фр. Є.Марічева. — К., 2005.
8. Гоцці С. Урядкування в об'єднаній Європі / Пер. з італ. К.Тищенко. — К., 2003.
9. Хмелько В.Е. Общественное производство жизни: структура процессов и ее динамика // Производство как общественный процесс. — М., 1986.
10. Смелзер Н.Дж. Проблеми соціології. Георг-Зімелівські лекції, 1995 / Пер. з англ. В.Дмитрук. — Львів, 2003.
11. Held D., McGrew A. Globalization/Anti-Globalization. — Cambridge, 2002.
12. Lenski G., Nolan P., Lenski J. Human Societies. An Introduction to Macrosociology. 10th ed. — Boulder, 2006.